

СООБЩЕНИЯ

УДК 94 (470.331)''17''-058.229''духовенство''

БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ СЕЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА В КОНЦЕ XVIII В.: ТВЕРСКОЙ УЕЗД

А. В. Матисон

Центральный государственный архив города Москвы, *г. Москва, Россия*

В сообщении рассматриваются особенности матримониальных связей сельского духовенства в конце XVIII в. – в период окончательного оформления «духовного» сословия в России. Исследование проводится на основе изучения материалов переписи духовенства Тверского уезда, состоявшейся в 1795 г. Первичные документы переписи – ревизские сказки, – дают возможность рассмотреть всю совокупность уездного духовенства и сделать выводы о характере брачных стратегий священно- и церковнослужителей в этот период. Полученные данные сравниваются с информацией о матримониальных связях городского духовенства епархиального и губернского центра – города Твери.

Ключевые слова: *духовенство, матримониальные связи, Тверской уезд, XVIII век.*

Изучение социальной истории России предполагает необходимость уделять особое внимание рассмотрению семейно-родственных отношений представителей разных сословий и, в частности, характера матримониальных связей в различные хронологические периоды.

Для православного духовенства России одним из значимых этапов в его истории являются последние десятилетия XVIII столетия, т. е. время, с которым многие исследователи традиционно связывают завершение оформления духовного сословия.

Наибольшую возможность для изучения матримониальных связей духовенства в конце XVIII в. дают сказки 5-й ревизии, составленные в середине 1790-х гг., так как в отличие от материалов других переписей они фиксировали очень важную информацию: происхождение жён клириков, а также факты замужества их дочерей. Эти данные охватывают тринадцать лет, со времени предыдущей, 4-й ревизии, проведённой в начале 1780-х гг. (в Тверской епархии духовенство подавало сказки 4-й ревизии в 1782 г., а сказки 5-й ревизии – в 1795 г.).

Брачные стратегии духовенства в этот период уже становились предметом отдельного изучения. Проведённые исследования показали существенную разницу между характером брачных союзов в Твери, с одной стороны, и в уездных городах – с другой. В губернном центре внутрисословные браки (между представителями семей священно- и церковнослужителей) составляли 61,3 %, браки с купцами и мещанами – 20,4 %, браки

с представителями других социальных категорий (приказными, крестьянами, разночинцами и др.) – 18,3 %.

Совсем иная картина складывается в уездных городах. В Ржеве внутрисословные браки составляли 33,3 %, браки с купцами и мещанами – 50 %, браки с представителями других социальных категорий – 16,7 %. Не слишком существенно отличаются и цифры в Осташкове (тесно административно и географически связанном с Ржевом): внутрисословные браки составляли 29 %, браки с купцами и мещанами – 71 %, а браков с представителями других социальных групп не было вовсе.

Если в указанных публикациях проводилось исследование брачных стратегий исключительно городского духовенства Тверской епархии, то в настоящей статье изложены результаты изучения матримониальных связей сельского духовенства той же епархии на примере ее центрального уезда – Тверского. В статье также проводится сопоставление показателей брачных союзов сельского духовенства Тверского уезда в первую очередь с городским духовенством Твери в силу территориальной близости мест их служения.

Сказки 5-й ревизии духовенства Тверского уезда сохранились в полном объеме (в фонде Тверской казенной палаты Государственного архива Тверской области (ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 221); при воспроизведении результатов общих подсчетов, сделанных на основе ревизских сказок, отдельные ссылки на это дело не приводятся).

Количество храмов и священно- и церковнослужителей в Тверском уезде было традиционно выше, нежели в Твери. Во время проведения 5-й ревизии клирики служили в уезде в 67 селах и погостах (в Твери – при 28 храмах). Соответственно выше было и число зафиксированных в ревизских сказках матримониальных союзов, заключенных между 4-й и 5-й ревизиями: в Тверском уезде – 222, против 93 – в Твери.

Сказки 5-й ревизии показывают следующий характер матримониальных связей духовенства Тверского уезда в конце XVIII в. (таб. 1):

Таблица 1

Матримониальные связи духовенства Тверского уезда в конце XVIII века

Брачные союзы	Количество	%
Браки между представителями семей духовенства	150	67,6
Браки с крестьянами	50	22,5
Браки с купцами и мещанами	5	2,3
Браки с приказными	7	3,1
Браки с разночинцами	10	4,5
Всего	222	100

Как показано в таблице, наиболее многочисленны, как и в случае с духовенством Твери (61,3 %), были браки между представителями семей духовенства.

В то же время, если в Твери вторую по численности группу, заключавшую матримониальные союзы с духовенством, составляли купцы и мещане (20,4 %), а браки с крестьянами были совсем немногочисленны

(3,2 %), то в Тверском уезде ситуация была зеркально противоположной – на второе место выходят браки представителей семей священно- и церковнослужителей с крестьянами, а браки с горожанами – единичны. Это вполне естественно, учитывая, что в городе клириков окружала посадская среда, составлявшая основную часть их прихожан, а на селе это были преимущественно крестьяне. Анализируя браки выходцев из семей уездного духовенства с «сельскими обывателями», нужно отметить, что в 22 случаях речь идёт об экономических крестьянах, в 9 случаях – о помещичьих крестьянах или дворовых людях, ещё в 19 случаях владельческая принадлежность крестьян не указана.

При заключении матримониальных союзов с горожанами в четырех случаях дочери клириков Тверского уезда (священника села Константиновского Семена Кириллова, диакона села Еммауса Гавриила Мартинова, пономаря села Моркина-Городища Ивана Петрова, пономаря погоста Никольского за Желтиковым монастырем Никиты Иванова) были выданы за мещан Твери, и в одном случае дочь пономаря села Тутани Прокопия Васильева стала женой купца города Вышнего Волочка¹.

Количество браков с приказными, заключённых представителями семей уездного духовенства, в процентном соотношении несколько меньше, чем количество аналогичных браков в Твери (5,4 %). В Тверском уезде дочери клириков, как правило, выходили замуж за чиновников губернских или уездных учреждений, располагавшихся в самом городе Твери: дочь священника села Богородского Егора Иванова была выдана за регистратора Тверского верхнего земского суда, дочь священника села Романова Василия Моисеева – за подканцеляриста Тверского уездного казначейства Ивана Попова, дочь священника села Хвастова Михаила Афанасьева – за подканцеляриста Тверской казнной палаты, дочь диакона села Садыкова Ефима Иванова – за столоначальника той же палаты, дочь дьячка погоста Каменка Алексея Никифорова – за подканцеляриста Тверской духовной консистории². Дочь диакона села Савина Петра Васильева стала женой подканцеляриста Бежецкого уездного казначейства, а ещё в одном случае в сказках присутствует общее указание о выдаче замуж дочери священника погоста Никольского за Желтиковым монастырем Евдокима Иванова за «приказного человека» Тверского наместничества³.

Как и в ситуации с духовенством Твери, относительно немногочисленными были в уезде браки духовенства с лицами, условно объединенными в группу «разночинцы». В трёх случаях дочери клириков (священника села Гнилицы Никифора Иванова, дьячка села Гнилицы Василия Степано-

¹ ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 221. Л. 40–40 об., 50 об., 84 об.–85, 93–94, 110 об.–111. ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 221. Л. 40–40 об., 50 об., 84 об.–85, 93–94, 110 об.–111.

² Там же. Л. 15–15 об., 17–17 об., 73, 107 об., 132 об.

Ibid. Л. 15–15 об., 17–17 об., 73, 107 об., 132 об.

³ Там же. Л. 50 об.–51, 72–72 об.

Ibid. Л. 50 об.–51, 72–72 об.

ва, диакона села Петровского Афанасия Аверкиева) были выданы за неких «мещан» деревни Беседы (Беседки)⁴. Остаётся неясным, то ли речь идёт о горожанах, осевших в сельской местности, то ли о крестьянах, к которым в сказках, в силу тех или иных причин, применён этот термин. Дочь дьячка села Моркина-Городища Прокопия Ульянова была выдана за «штатного служителя» Желтикова монастыря⁵ (при анализе матримониальных связей духовенства Твери архиерейские, монастырские служители и певчие, в силу их относительной многочисленности, были выделены в отдельную группу). Дважды дочери клириков были выданы за служителей Тверской духовной консистории (дочь пономаря села Дудина Федора Федорова – за бывшего пристава, дочь дьячка села Дудина Игнатия Ильина – за сторожа), дважды – за ямщиков (дочь священника села Заборовья Петра Иванова – за ямщика из Новоторжского уезда, дочь диакона села Козминского Митрофана Афанасьева – за ямщика из Твери)⁶. Дочь священника села Лукина Василия Никитина вышла замуж «Тверскаго баталиона за сержанта», а в одном случае социальный статус лица, породнившегося с духовенством Тверского уезда, неизвестен: применительно к дочери дьячка села Ивановского-Шишковых Матвея Иванова просто указано, что она «выдана в замужество в Ярославский уезд»⁷.

Определённое отличие уезда от кафедрального центра заключалось в том, что в Твери часть клириков женились на представительницах других социальных категорий, а в Тверском уезде за инословных выходили только дочери клириков – сами священно- и церковнослужители были женаты исключительно на женщинах из семей духовенства.

В связи с этим особое значение приобретает вопрос о том, как географически были привязаны матримониальные союзы духовенства в Тверском уезде (таб. 2):

Таблица 2

**Географические связи матримониальных браков духовенства
Тверского уезда**

Происхождение жен священно-церковнослужителей	Количество	%
Дочери священно- и церковнослужителей Тверского уезда	83	74,8
Дочери священно- и церковнослужителей других регионов	28	25,2
Всего	111	100

В Твери в тот же хронологический период клирики заключили 28 браков (56 %) с дочерьми священно-церковнослужителей Твери, 15 браков

⁴ Там же. Л. 26, 28.

Ibid. L. 26, 28.

⁵ Там же. Л. 40 об.

Ibid. L. 40 об.

⁶ Там же. Л. 90, 128 об.–129 об., 137 об.

Ibid. L. 90, 128 об.–129 об., 137 об.

⁷ Там же. Л. 78, 136.

Ibid. L. 78, 136.

(30 %) с дочерьми священно-церковнослужителей других регионов, и 7 браков (14 %) с иносословными. Таким образом, в Тверском уезде было выше число лиц, заключивших матримониальные союзы внутри своей административно-территориальной единицы, и напроочь отсутствовали браки с иносословными.

В большинстве случаев получение приходского места в XVIII в. было связано с теми или иными формами наследования, и немалое число их приходилось именно на приобретение в наследство за супругой. Согласно нашим подсчётам, из 111 клириков Тверского уезда, вступивших в брак между 4 и 5-й ревизиями, 20 человек (или 18 %) наследовали приходскую должность непосредственно после своего тестя, а ещё у 15 человек (13,6 %) тесть служил в том же приходе, но занимал иную должность, нежели та, которую получил вновь назначенный клирик. Ещё большее число священно- и церковнослужителей получили приходские места после своих отцов – 31 человек (27,9 %), а у 11 человек (9,9 %) отец служил в том же приходе, но на другой должности. Только в отношении 16 человек (14,4 %) нет никаких указаний на наследование приходских мест ни после отца, ни после тестя, ни после других родственников. Ещё в отношении 18 человек (16,2 %), вступивших в брак между 4 и 5-й ревизиями, нельзя положительно решить вопрос о наследовании приходского места или отсутствии наследования, так как они заняли должности причетников ещё до проведения 4-й ревизии (для части из них брак, указанный в сказках 5-й ревизии, был вторым, заключённым после смерти первой жены).

Приведённые данные показывают, что в целом в Тверском уезде 77 человек (69,4 %) заняли свои священно- и церковнослужительские должности в силу тех или иных родственных отношений с членами причта, где они получили место. В Твери эта цифра была ниже и в тот же период составляла менее 50 %. Это в определённой степени связано с тем, что в кафедральном центре архиереи стремились назначать на места к храмам хорошо подготовленных и образованных кандидатов и уделяли меньше внимания вопросам наследования.

Как правило, материалы переписи позволяют проследить матримониальные связи двух, реже – трёх семей духовенства. Однако иногда сказки фиксируют более обширные родственные связи. В Тверском уезде можно указать на примеры брачных связей сразу четырёх семей клириков, отражённых в документах 5-й ревизии.

Так, одна дочь дьячка села Бор Абрама Иванова была выдана за дьячка села Тургинова Петра Иванова, другая – за пономаря села Бурашева Василия Матвеева, а сестра последнего, дочь пономаря села Бурашева Матвея Васильева, была женой диакона села Никольского-Городища Василия Александрова⁸.

⁸ ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 221. Л. 12–12 об., 173–173 об.
ГАТО. Ф. 312. Оп. 6. Д. 221. Л. 12–12 об., 173–173 об.

Ещё в одном случае старшая дочь священника села Клобукова Петра Иудина вышла замуж за дьячка села Клеопина Филиппа Анисимова, а её сестра – за пономаря села Тургинова Семена Антонова, в свою очередь сестра Семёна, дочь пономаря села Тургинова Антона Егорова, стала супругой пономаря села Петровского Матвея Яковлева⁹.

Помимо указанных в таб. 2 28 дочерей священно-и церковнослужителей других регионов, выданных за клириков Тверского уезда, немалое число девиц «духовного звания» самого Тверского уезда было выдано замуж за клириков, служивших за пределами уезда (39 человек). Наиболее тесно духовенство Тверского уезда было связано с Тверью (10 браков) и с соседними уездами: Старицким (13 браков), Корчевским (10 браков) и Новоторжским (10 браков). С духовенством всех других уездов Тверской епархии брачные союзы были единичными. Ещё 7 браков было заключено с духовенством другой епархии – Московской, причём все с семьями Клинского уезда, который граничил с Тверским.

Завершая анализ матримониальных союзов духовенства Тверского уезда, необходимо отметить, что, как показано выше, они определённым образом отличались от аналогичных союзов духовенства Твери, т. е. города, являвшегося не только центром уезда, но также и кафедральным и губерньским центром. В уезде было выше число внутрисословных браков, уездные клирики не вступали в брачные союзы с иносословными, выше был уровень наследования приходских мест.

В то же время нельзя не обратить внимание на интересную тенденцию: эти отличия не носят столь принципиального характера, как отличия между брачными связями духовенства Твери, с одной стороны, и Ржева, и Осташкова – с другой. Тем самым можно сделать осторожный вывод, что разница в административном статусе (городское и сельское духовенство) могла меньше влиять на отличия в брачных стратегиях, нежели разница географическая (духовенство городов, существенно отдалённых друг от друга, хотя бы и в рамках одной епархии). Вместе с тем, для проверки этого предположения необходимо продолжение исследований матримониальных связей как городского, так и сельского духовенства разных регионов, которые дадут материал для более общих и категоричных заключений.

RURAL CLERGY'S MARRIAGE STRATEGIES AT THE END OF XVIII CENTURY: THE TVER DISTRICT

A. V. Matison

The Central State Archive of the City of Moscow, *Moscow, Russia*

The article features matrimonial relations of rural clergy at the end of the XVIII century - during the finalization of the "spiritual" class in Russia. Studies are conducted on the basis of Tver district clergy census materials,

⁹ Там же. Л. 10–10 об., 169–170 об.

Ibid. L. 10–10 об., 169–170 об.

held in 1795. The primary documents of census - Revision lists, provide an opportunity to consider clergy of the district in total and to draw conclusions about the nature of marriage in sacred-clergymen strategies during this period. Obtained data is compared with information about marital relationships of the city clergy of diocesan and provincial center - the city of Tver.

Keywords: *clergy, matrimonial connections, Tver district, XVIII century.*

Об авторе:

МАТИСОН Андрей Викторович – кандидат исторических наук, зав. сектором, Центральный государственный архив города Москвы (109544, Москва, ул. Международная, 10), e-mail: matisonav@yandex.ru

About the author:

MATISON Andrey V. – The Candidate of History, The Head of Sector, The Central State Archive of the City of Moscow, (109544, Moskva, Mezhdunarodnaya str., 10), e-mail: matisonav@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.12.2015 г.